

Лариса Кириллина

Тетрадь с Энцелада

"Хранительница": космоопера. Часть 1

Лариса Валентиновна Кириллина

Тетрадь с Энцелада

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67621314

SelfPub; 2024

Аннотация

"Тетрадь с Энцелада" – первая часть космооперы "Хранительница". Здесь царит мир и межгалактическое сотрудничество. Героиня – жизнерадостная девочка Юлия по прозвищу Юла, способная дружить с любыми инопланетными существами и говорить на самых странных языках. Она считает Вселенную своим домом, мечтает стать космолингвистом и в поисках знаний уносится всё дальше от родной Земли. Встретит ли она своего принца? Непременно встретит, но чуть попозже. Пока что она встречает барона. Никто из них не знает, сколь тесно переплетутся их судьбы. Обложка книги – авторский коллаж с использованием изображений, сгенерированных нейросетью.

Содержание

День рождения на Энцеладе	4
Космические переселенцы	20
Арпадан и его обитатели	30
Школа на Арпадане	39
Странный Вилли	47
Вундеркинд	53
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Лариса Кириллина

Тетрадь с Энцелада

День рождения на Энцеладе

У меня теперь есть тетрадь. Настоящая. Толстая. На пружинках.

Только не говорите, что тетрадь может завести себе любой, кому не лень. В космосе – совсем не любой. Тетради тут попадают реже, чем говорящие зебры. И ценятся на вес золота.

На первой странице крупными буквами выведено: «Тетрадь с Энцелада». И подпись: «Юла».

Юла – это я. Не галактика в форме волчка, не комета, не планетоид и не космолет. Просто девочка. Мне сейчас десять лет и три месяца по земному счету.

Вообще-то мое полное имя Юлия Лаура. А Юла – это аббревиатура. И довольно удачная, поскольку я веселая и непоседливая, как игрушка-волчок. А по-настоящему, в документах, меня зовут очень длинно. Если по-русски, то Юлия Антоновна Цветанова-Флорес. По-испански – почти то же самое, только без отчества.

Если вдруг папа обращается ко мне «Юлия!», а мама –

«Хулия!», это значит, что сейчас будет нагоняй на нескольких языках сразу. Папа всегда говорит со мной по-русски, мама по-испански, между собой они общаются то так, то этак. В раннем детстве, если они не хотели, чтобы я их понимала, разговаривали по-английски. Но английский я очень скоро освоила; тогда они перешли для секретных разговоров на немецкий – и опять шифроваться им удалось недолго, я быстро выучила этот якобы трудный язык. Языки мне даются легко.

Папу зовут Антон Васильевич, а маму – Лаура Флорес Гарсиа. Он из России, москвич, она – из Мексики, с полуострова Юкатан, из курортного городка Тулум. Познакомились они в космопорте Кетцаль, где оба работали. Когда их представляли друг другу, они посмеялись над тем, что у них почти одна и та же «цветочная» фамилия, только на разных языках. Потом выяснилось, что мамину маму зовут Хулиана, а папину – Юлия Анатольевна. Опять совпадение. Как тут не подружиться и не пожениться? Свадьбу играли в Тулуме, на родине мамы. А в Москву приехали позже, уже после того, как я родилась.

Папа служил в визовом ведомстве, мама в таможене. Несколько лет они кочевали по разным земным космопортам – естественно, вместе со мной. Кетцаль, Гагарин, Канаверал, Хануман. Мне нравилось переезжать! Иногда меня отправляли к дедушкам и бабушкам, но обычно только на пару месяцев, летом. Поэтому русской зимы я практически и не ви-

дела. Да и не слишком об этом жалею. Холодов не люблю. В Тулуме меня всегда баловали, а бабушка Юлия Анатольевна называла «дикаркой» и «дочерью джунглей». Она работала школьной учительницей и хотела меня непременно перевоспитать, а я не очень-то поддавалась. Дедушка Василий Андреевич покрывал мои мелкие выходки, но он умер, когда мне было пять лет. Ничего более грустного в моем детстве я не припомню.

Когда мне исполнилось семь, мы с папой и мамой улетели на орбитальную станцию «Энцелад-Эврика». Поясню для тех, кто вдруг не знает: Энцелад – спутник Сатурна на окраине Солнечной системы. Станция вращается вокруг Энцелада и вокруг своей оси, поэтому на ней имеется гравитация. Не такая сильная, как на Земле, но жить вполне можно. Для тех, кому маловато, есть магнитное покрытие на полах и ботинки с присосками.

Станция строилась на средства Межгалактического альянса разумных миров, поэтому на ней работают ученые не только с Земли, но и с разных планет. В каждом сегменте свой состав атмосферы. В земном сегменте живут всего два негуманоида, способные дышать нашим воздухом. Между сегментами шлюзы, проходя через которые сотрудники, если нужно, надевают скафандры или дыхательные аппараты. По разные стороны от обитаемых секторов расположены транспортные узлы. Один – стационарный, с него стартуют экспедиционные корабли, исследующие всю систему Сатурна. У

этой чудесной планеты примерно сто пятьдесят спутников, и на некоторых обнаружена примитивная жизнь, в том числе на Энцеладе, где подо льдом – незамерзающий океан. С другого бока – внешний транспортный узел, или, как говорят мои папа и мама, «вокзал». Сюда прибывают транзитные космолеты или посланцы из дальних миров. Туристов здесь практически не бывает. С Земли лететь очень долго и дорого, такое развлечение могут позволить себе только невероятно богатые и притом чрезвычайно здоровые люди. А в других мирах туризм, как я поняла, не так популярен. В космосе столько всего прекрасного и удивительного, что в каждой звездной системе найдется, на что посмотреть.

Мои родители работают в транспортном узле, на «вокзале». Визовый и таможенный контроль там предельно строгий. И правила безопасности куда жестче, чем между сегментами станции. Прибывающих держат в отдельном модуле, чтобы они не занесли на станцию инопланетные бактерии или микробы. Мы тоже, когда прилетели, провели в какое-то время на карантине, но я это плохо помню – отходила от анабиоза и пыталась приноровиться к новой реальности.

Других детей на «Энцеладе-Эврика» нет. Ни человеческих, ни инопланетных. Меня взяли в качестве исключения, потому что родители – ценные кадры, а я уже в сознательном возрасте. Была и другая причина. Я – подопытная зверушка. Меня регулярно тестируют, изучают на медицинской аппаратуре, наблюдают за моим физическим и интеллекту-

альным развитием. Ну и ладно. Для науки не жалко.

Школьные предметы я изучаю по медиакурсам. Они все записаны в память стационарного компьютера, с Землей для этого связываться не надо. А задания проверяют родители и их соседи по станции. Курс начальной школы я проскочила месяца за два, там вообще делать нечего. Теперь меня обучают математике, информатике, физике, химии, биологии, астрономии, истории цивилизаций – я зубрю, что положено, хотя нравится мне совершенно другое. Мама сказала, что я прирожденный лингвист или даже космолингвист. Здесь таких специалистов нет. Сотрудники с разных планет общаются на космолингве – искусственном языке, довольно простом, сконструированном как раз для подобных случаев. Но космолингвистика, оказалось, гораздо сложнее. Я пока не очень поняла, как к ней подступиться.

В первый год на станции я вела себя пайнкой. Боялась, что, если набедокуру, меня усыпят и отправят на Землю. А самый жуткий ужас мне внушал профессор Ут-Шуккал с планеты Утту – он арахноид. Ну, огромный паук-осьминог. Ростом с дяденьку. Мне и земные пауки не особенно нравились, я видела, как они опутывали паутиной мушек и потом их высасывали. Про Ут-Шуккала я вообразила себе, что ему-то добыча нужна покрупнее, и я бы как раз подошла. Поэтому я старалась с ним даже не пересекаться. Как увижу издали – прячусь.

Однако случится же такое...

Уроки уроками, а порезвиться тоже хочется. В нашей семейной капсуле очень тесно. В одном отсеке – спальня родителей и шкаф для вещей, в другом – моя комнатка с верхней койкой и столиком внизу. Иллюминаторов нет. А тарашиться в мониторы и постоянно любоваться Сатурном и Энцеладом надоедает. И вообще врачи советуют много двигаться, чтобы организм развивался нормально.

Сначала я просто бегала по коридорам. Потом придумала разгоняться на такелажной тележке. Коридор нашего яруса дугообразный. И однажды, не рассчитав скорости на повороте, я врезалась в Ут-Шуккала и... сломала ему одну из конечностей! Вместо того, чтобы извиниться, я с визгом бросилась наутек и заперлась в нашей капсуле. Вечером, конечно, родители провели со мной воспитательную беседу. Но у меня был, наверное, такой жалкий вид, что папа с мамой остыли и сообщили мне важную вещь: конечности у арахноидов быстро регенерируют, поэтому ничего непоправимого не случилось. И всё-таки я продолжала бояться профессора.

На некоторое время я перестала гонять на хозяйственной технике. Зато мне разрешили одной подниматься на следующий ярус, где у нас спортзал, оранжерея и библиотека. В спортзале можно вволю покуролесить. Но без компании это не в радость, а днем там почти никого не бывает (в земном секторе соблюдают суточный ритм и воспроизводят смену ночи и дня, чтобы людям было комфортно). Заниматься механическими упражнениями на снарядах мне не нравится,

я люблю подвижные игры, предпочитительно ролевые. С папой и мамой такое иногда получается, но у них слишком мало свободного времени.

В оранжерее невероятно красиво, только всё очень строго. Фрау Амелия Вайскопф, стационарный биолог, требует передвигаться по дорожкам и ни в коем случае не прикасаться без спросу к растениям. Некоторые виды – неземные, есть ядовитые, хищные или еще не изученные. А есть, говорят, разумные. С такой ботаникой шутки плохи. Зато с фрау Вайскопф мы всласть говорим по-немецки. Не понимаю, почему этот чудесный язык считается грубым. Мне кажется, он ничем не хуже ни русского, ни испанского. И на нем существует такая поэзия! Фрау Вайскопф любит стихи, я уже выучила с ее голоса «Лесного царя», «Лорелею», «Песню Миньоны» («Kennst du das Land») и много прочего старинного романтического.

В библиотеку я сперва не рвалась. Мне казалось, там нечего делать. Вся информация давно оцифрована и доступна с любого устройства. Разве что в библиотеке гораздо просторней, чем в других помещениях. И заведующей работает не обычная тетенька, а улиткообразная Эун-Ма-Дюй-Чи с Тау Кита.

На спине у нее мощный панцирь с узорами. Подобно земным улиткам, она может вытягивать гибкие «перископы» – отростки, на которых располагаются глаза. Два верхних лучше видят вдаль, два нижних приспособлены для разглядыва-

ния мельчайших предметов вблизи. Из мягкой мантии проступают конечности с крохотными крючочками и присосочками, которыми она способна держать любые предметы и выполнять все тонкие операции. Передвигается она довольно быстро, хотя ползком. Общаться с ней можно на космолинге и на английском, хотя произношение у нее так себе. Но на слух она понимает всё.

По совместительству Эун-Ма-Дюй-Чи работает на станции космопсихологом. Папа сказал, что на самом деле это ее основная профессия, очень редкая и очень нужная. Если земной психолог должен знать только про человеческие проблемы, то космопсихолог изучает закономерности психики разных рас, чтобы помочь им корректировать поведение в условиях межпланетных полетов и на станциях вроде нашей. На Земле, когда люди ссорятся, они могут разойтись по отдельным углам или даже разъехаться в разные стороны. А на замкнутой орбитальной станции деться некуда. Конфликты возможны, хотя их стараются избегать либо предупреждать. Один из пунктов контракта гласит: как только сотрудник замечает в себе нетерпимость и раздражительность, он обязан проконсультироваться с космопсихологом.

Устраивать себе отдельный кабинет в медцентре Эун-Ма-Дюй-Чи не стала. Наверное, это правильно. Кто по собственной воле пойдёт туда на приём? И зачем? Чтобы окружающие сразу поняли, что у коллеги не всё ладно? Психов в космос пока не берут, а срывы и бзики бывают у всех. Иногда

нужно просто поговорить по душам. И лучше даже не с человеком, а с разумной улиткой. Проверено на себе: успокаивает.

Помимо аппаратуры для раскодировки файлов, созданных в разных цифровых системах, в библиотеке есть панели для арт-креатива и устройства, погружающие в виртуальную реальность. Пользование ими допускается лишь под присмотром психолога, а то можно втянуться и уйти в виртуал навсегда. Мне пока не разрешают таких развлечений. Но посидеть в кресле – это пожалуйста. Оно большое, уютное, мягкое. Заберешься с ногами – и просто улёт!

В общем, я туда зачастила. И в один прекрасный момент узнала, что в одном из сейфов, которые я принимала за панели и рисовала на них свои светокартины, находятся настоящие книги. Честное слово, не вру! Я их видела и держала в руках. А некоторые уже прочитала.

Зачем отправлять на край Солнечной системы увесистые тома, если доставка каждого грамма груза стоит бешеных денег? Сейчас многим кажется, что книга – вещь бесполезная. Занимает много места, собирает пыль и грязь, в ней трудно найти то, что нужно, если не знаешь номер страницы и не оставил закладку. Хотя в кабинетах земных ученых по-прежнему много книг, иногда это просто инсталляции. Для красоты и солидности. А все данные оцифрованы.

Но так было не всегда.

Когда станция на Энцеладе только начала функциониро-

вать, на космических объектах случались аварии, электроника выходила из строя, и компьютеры теряли всю информацию. На Земле такие поломки устранялись легко и быстро, а в космосе они могли привести к катастрофе. Поэтому самую важную документацию земного сектора дублировали на материальных носителях. Я использую это выражение, потому что иногда это совсем не бумага, а пластик. Главное, чтобы такой носитель не йокнулся при отказе компьютера, и чтобы в текст можно было вносить изменения. В сейфах держали бортовые журналы, сведения о членах экипажа, расчетные формулы и таблицы, инструкции для нештатных ситуаций, медицинские справочники, – в общем, всё, что поможет обеспечить выживание космонавтов.

Но человек не машина. Сердце просит не только инструкций. Тогдашние психологи убедили начальство, что к практическим пособиям нужно добавить «вечные книги». Кто уж их там выбирал, я не знаю. Но на «Энцелад-Эврику» попали Библия на четырех языках (иврит, греческий, латынь, церковнославянский), Коран (с параллельным арабским и почему-то французским текстом), Махабхарата (санскрит и английский) и Пополь-Вух (текст на киче и на испанском). Из прочей литературы сюда отправились «Одиссея» (древнегреческий плюс немецкий – благодать!), весь Шекспир в одном томе (на староанглийском), «Избранное» Станислава Лема на польском (ура, мой любимый писатель!) и сборник стихов Орелии Гор на английском в переводе на космолинг-

ву. Если вы из другого мира, то, наверное, не знаете, что Орелия – марсианская поэтесса XXII века, а главная тема ее поэзии – тоска по Земле, на которой она никогда не бывала, поскольку организм коренных марсиан не приспособлен к земной атмосфере и гравитации. Еще она сочиняла стихи о несчастной любви. Герой ее стихов – «небесный возлюбленный», космонавт, который погиб при аварийной посадке. Орелия так и не вышла замуж, зато прославилась на всю Галактику. Многие космонавты берут с собой ее книжечки как талисманы.

Я, естественно, бросилась всё это читать, а Эун-Ма-Дюй-Чи не препятствовала, убедившись, что с книгами я обращаюсь бережно.

А потом мне самой захотелось что-нибудь этакое написать. Не на экране какого-нибудь девайса, а на живой бумаге. Портить книги, само собой, я не стала бы, уже не маленькая. Но другой доступной бумаги на станции не обнаружилось.

Я попыталась использовать свою старую майку, хотя сразу же выяснилось, что идея провальная. И чернила нормальные сделать не получилось, и перо из выклянченной отвертки вышло плохое. Потом набралась наглости и попросила у фрау Вайскопф какой-нибудь ненужный кусочек коры или высохший лист достаточного размера, чтобы на нем можно было писать. Она удивилась, слегка побурчала, но всё-таки выдала мне маленький свиток – бамбитерия арсинойская начала линять, и верхний слой коры сползал с неё слоями.

«Поздравляю, ты заново изобрела берестяные грамоты!», – сказал папа, увидев, как я царапаю отверткой буквы на коре бамбитерии. А клинопись на табличках я уже пробовала, только вместо глины взяла пластилиновую мастику, которую сварила на лабораторной по химии. Мистер Сэвидж не возражал.

Приближался мой день рождения. Правда, в космосе время – вещь условная. Чтобы не оторваться от земных корней, мы продолжаем пользоваться привычным календарем. Но какое, скажите на милость, может быть «седьмое июля» на Энцеладе? И все-таки для меня устроили праздник. В столовой, где накрыли столы, собрались все сотрудники нашего сегмента, не занятые на рабочих местах. К моему облегчению, Ут-Шуккал был, видимо, занят. Зато я впервые увидела командира станции: оказалось, это не мрачный космический волк, а вполне симпатичная женщина, капитан Самира Алай. Немолодая, но стройная и спортивная.

И вот все встают в две шеренги, а я иду поздравляться туда, где стоят капитан и мои родители. Самира Алай надевает мне памятный знак с эмблемой станции «Энцелад-Эврика» и с моим отчеканенным именем, а папа вручает подарок: тетрадь.

Да. Это она. Толстая. На пружинках. С приложенным капитанским карандашом – его пишущий стержень не ломается и затачивается сам собой. Такие карандаши выдают для ведения бортжурналов.

– Это... мне? – я аж задохнулась от удивления. – Но откуда?..

– Совместное производство, – сказал папа и показал рукой на всех собравшихся. – Каждый внес что-нибудь.

Я осторожно раскрыла тетрадь и потрогала ее шелковистые листы приятного желтоватого цвета с чуть заметными, как тонюсенькие паутинки, клеточками. Вроде бумага, но не такая, как в старых книгах. Другая на ощупь.

– Тетрадь уникальная, – подтвердила мама. – Нигде такой больше нет. Дизайн разработали мы. Пружинки – от робота, списанного на запчасти. Обложка – из переработанной подкладки скафандра.

– А бумага?

– Пришлось помудрить. Мучнистые стебли курзянки атосской, обработанные фрау Вайскопф и мистером Сэвиджем, паутина, сотканная профессором Ут-Шуккалом, серебряные наносетки от твоего учителя физики, доктора Ньюмена, и еще кое-что... Станок сконструировал твой учитель истории цивилизаций, господин Ван Юн Вэй. Его семья когда-то занималась в Китае изготовлением бумаги для каллиграфии.

– Ох, – оторопела я. – Теперь боюсь прикоснуться. Такому сокровищу место в музее межпланетных культур!

– Нет, она для письма.

– А что писать?

– Всё, что хочешь, – сказала Самира Алай. – Можешь фан-

тазировать. Или писать о себе. Что ты видела, что запомнилось.

Это меня озадачило еще больше. В древних книгах были уж какие приключения! А у меня что? На станции нет ни жутких монстров, ни кровожадных аборигенов. Даже пауковидный Ут-Шуккал оказался добрым и милым. Я больше его не боюсь, но общаться с ним могу только знаками – звуков он не издает и не слышит.

– Ну, а теперь давайте праздновать! – вывел меня из ступора папа.

Пир удался на славу, хотя проходил не как на Земле. Угощался каждый по-своему, шипучку в бокалы не разливали. Но цветомузыку запустили, стены украсили виртуальными гирляндами, и кто мог, с удовольствием потанцевал.

Много дней я любовалась тетрадю и не отваживалась сделать первую запись. Думала, с чего бы начать. Долго выбирала название. «Дневник»? Нет, не то. Каждый день я писать не хочу. Иначе тетрадь через месяца три-четыре закончится. «Моя звездная Одиссея»? Смешно. На Луну теперь возят экскурсии школьников, на Марсе мы оказались транзитом. Так что я почти ничего не видела. А про спутники Сатурна и без меня уже написали немало.

Наконец, придумалось. Пусть будет как есть! «Тетрадь с Энцелада». Звучит не слишком оригинально, но красиво и немного загадочно.

Мне больше не скучно. У меня есть тетрадь и есть друзья.

И прекрасно, что все они взрослые, а некоторые и вовсе не люди.

Самый лучший мой друг – Эун-Ма-Дюй-Чи. Она объяснила мне смысл узоров на своем замечательном панцире. Оказалось, это не просто орнаменты. Это и код, и язык, и летопись, и история жизни. В них содержится информация о вселенной Тау Кита, о конкретной планете, о точной дате рождения каждого индивидуума, об имени, дарованиях и достижениях. По мере развития личности панцирь растет, узор усложняется, разветвляется и пополняется. Судя по красоте и изысканности узора, Эун-Ма-Дюй-Чи считалась выдающимся представителем таукитянской культуры. Вот тебе и «улитка»...

Она показала мне, как отразилось на узоре ее пребывание на Энцеладе: возник новый виток с орнаментом, напоминающим внешний облик Сатурна, а на соседних витках – изображения крупных спутников и отдельно – вид Энцелада со станции. Ещё виток – фигуры всех сотрудников станции, включая Ут-Шуккала.

А ещё я однаружила зарождающийся, пока еще очень тонкий и бледный, рисунок с изображением человеческой фигурки. Обмануться было нельзя: на панцире проступал хоровод гуманоидов, но, если приглядеться, все они выглядели вариантами одного персонажа, как в раскадровке.

«Кто это?» – удивилась я.

«Разве не видишь сама? Это ты».

И тут я поняла, что Эун-Ма-Дюй-Чи гораздо более одинока, чем я. У меня есть папа и мама. А существ, подобных Эун-Ма-Дюй-Чи, на станции нет. Когда-то надеялись, что таукитяне смогут создать свою станцию на Энцеладе, но от такого проекта пришлось отказаться. Прежде всего потому, что нашелся объект поближе, и все средства вложили туда. А межгалактический альянс финансирует прежде всего совместные институты, вроде станции «Энцелад-Эврика».

Связь со своей планетой она поддерживает, но смену ей не пришлют. Никогда. Почему? А, много причин... Ладно, Эун-Ма-Дюй-Чи уже привыкла, и ей тут нравится. Только... Космопсихологу тоже бывает нужно поболтать с кем-нибудь о какой-нибудь ерунде.

Похоже, моим первым инопланетным языком будет таукитянский.

Космические переселенцы

Мне казалось, что Сатурн – это страшно далеко от Земли. Будь человечество единственным во Вселенной видом разумных существ, вряд ли бы люди смогли путешествовать за пределы Солнечной системы. В XXI веке ученые думали, что это вообще невозможно. Вернее, возможно, но с неизвестным или трагическим результатом. Полет в одну сторону с перспективой никуда не добраться живым. Говорили, что до ближайшей экзопланеты лететь примерно три тысячи лет. И послать туда можно лишь роботов или каких-нибудь тихоходок, которые невероятно выносливы и способны пережить даже губительную для других радиацию. Один ученый даже придумал отправить на экзопланету контейнеры с человеческими зародышами, чтобы их там растили роботы. Ну, извините. Представляю себе: оказываюсь я неведомо где, никакой мамы, никакого папы, одни железяки с искусственным интеллектом. И они надеются, что при таком воспитании я смогу стать человеком? Думаю, очень сомнительно. А главное, нет ответа на вопрос: как быть с правом каждого на собственный выбор. В том числе с правом дурачиться, делать глупости, озорничать, фантазировать. Роботы этому не научат, уж точно.

К счастью, мы не одиноки в Космосе, и наши собратья

смогли освоить не только межпланетные, но даже межгалактические перелеты. Отчасти это даже не перелеты, а почти мгновенные перемещения через так называемые «червоточины» или «кротовьи норы» в пространстве и времени. Я не очень понимаю это старинное выражение и сперва говорила «коровьи», но папа поднял меня на смех и объяснил, что коровы не делают нор: их конечности это не позволяют. «А ты сам видел живую корову?» – спросила я. – «Нет, никогда», – сознался он. – «И крота не видел?» – «Откуда? Юла, ты не маленькая, сама подумай»...

Действительно. В городках при земных космопортах жизни почти не бывает, хотя вокруг домов создается подобие садилов или парков, чтобы народ не скучал по природе. Некоторые сотрудники держат мелких домашних животных: собачек, кошек, морских свинок. Но по улицам эти звери не бегают. Даже в тех местах на Земле, где коровы есть, они не гуляют на воле, а живут на специальных фермах. Я нашла про них ролик. Прикольные. А еще красивее – лошади. Но лететь ради них на Землю?..

Мы с родителями говорили про это. Мне скоро будет одиннадцать лет, нужно срочно решать, что нам делать дальше.

Родители подали рапорт о переводе в другое место, где есть нормальная школа, чтобы я могла расти среди сверстников. Я не против, и хотя на «Энцеладе-Эврика» мне тоже неплохо, тут всё-таки иногда тоскливо: пространство за-

мкнутое, все доступные уголки давно освоены, в экспедиции меня не берут по банальной причине: участие несовершеннолетних в исследовательских полетах запрещено правилами безопасности. К тому же потребовалось бы снаряжение под мой рост и вес, а оно стоит как целый глиссер. Только разочек меня взяли в полет на Титан, другой спутник Сатурна, который сейчас осваивают сразу несколько космических рас – Титан огромный, места всем хватит. Но из корабля я не выходила, сидела в рубке в легком скафандре, туго пристёгнутая и подключённая к датчикам. Я считалась частью эксперимента. Не знаю, что они собирались выяснить. Могли я перенести межзвездный полет? Давно ведь выяснилось, что могу, и даже легче, чем взрослые. Начинаящийся пубертат? Ну и что? Тинэйджер – не человек?

Новое место службы папы и мамы – межгалактическая станция в системе Атона в Большом Магеллановом облаке. Атон – местное Солнце, вокруг которого расположено пять планет, из которых две обитаемые. Я, как услышала об этом, запрыгала от восторга, но родители быстро меня остудили. Инопланетян, конечно, на станции будет много – это важный транспортный узел, построенный на Арпадане, соседе планеты Намму. Но атмосфера Арпадана очень неплотная и вообще не подходит для нас, землян. Все вылазки – только в скафандре. А на Намму, которая больше похожа на Землю, так просто попасть нельзя. Она почти сплошь покрыта морями, и там, говорят, живут разумные рыбы. Планета объ-

явлена заповедной, и только на один островок был однажды высажен беспилотный зонд, который едва не сожрали хищные змеи. Ещё одна планета системы Атона, Арепо, заселена одичавшими роботами с корабля волопасцев, потерпевшего там катастрофу. Выжили исключительно роботы, которые не нуждались в воздухе и еде, а металлов там сколько хочешь, электричества тоже, поскольку постоянно бушуют грозы. Роботы эти много чего умели и смогли наладить воспроизводство самих себя. У них сложилась даже религия, потому что своих погибших хозяев они считают богами, принесшими себя в жертву ради их благополучия. К людям и прочим гуманоидам обитатели Арепо относятся с должным почтением. Но сознание роботов ограничено, и по межгалактическому соглашению они выведены из перечня разумных высокоразвитых рас, с которыми можно сотрудничать в сфере космических технологий. Пока что арепцы не агрессивные, но кто их знает, что они могут выкинуть. Экспедиции к ним снаряжают даже реже, чем к рыбам и змеям Намму, и с гораздо большими предосторожностями.

Вот в такое интересное место нам предстояло переселиться.

«Конечно, – сказал папа, – если ты передумала и захочешь вернуться на Землю, мы откажемся от назначения. Либо мы улетим, а тебя отправим к дедушке с бабушкой Флоресам на Юкатан. Но учти, тогда мы с тобою вряд ли когда-нибудь встретимся. Нам бы этого не хотелось, Юла. А если ты бу-

дешь с нами, то вряд ли скоро увидишь Землю. Твое мнение очень важно. Ведь решается и твоя судьба»...

Я нисколючки не колебалась. Упустить такой шанс? Ни за что! Зачем мне Земля? Что я там потеряла? Конечно, на Арпадан!

И мы начали собираться. Сколько, оказывается, у нас барахла. Пока оно рассовано по шкафам и контейнерам, его особо не видно. Кое с чем мы расстались, раздав сослуживцам родителей. Всё равно получилось много. И ведь каждую порцию нужно простерилизовать и упаковать в герметичную оболочку.

Переместить нас должен был не земной корабль, а межгалактический лайнер, построенный жителями планеты Аис из созвездия Феникса. Одновременно на «Энцелад-Эврику» с Земли направлялась смена моим родителям. Наверное, их профессии кому-то покажутся скучными, но на самом деле и сотруднику визового отдела, и таможеннику нужно знать очень много и уметь быстро действовать в непредвиденных ситуациях. Правовые системы разных планет и цивилизаций, этикет и психология гуманоидных и негуманоидных рас, виды документации, перечни разрешенных и запрещенных на том или ином объекте веществ и предметов, кодекс межгалактической этики, и так далее. Мои родители так прекрасно поработали на Энцеладе, что командированы на Арпадан с повышением в должности. Папа будет там консулом Земли, а мама – главным экспертом таможни.

На смену им прилетели два человека, оба мужчины. Надеюсь, им удастся сработаться. Если что, поможет Эун-Мадюй-Чи. Она в последнее время замкнулась в себе, если так можно сказать об улитке. Наверное, переживает, что расстанется со мной навсегда. Мне тоже будет ее не хватать. И с кем я буду практиковаться в таукитянском?

Прощальный обед вышел грустным. Нам, конечно, желали успеха и счастья, но многим было жаль расставаться с нашей дружной семейкой Цветановых-Флорес, а некоторые коллеги тревожились, как мы перенесем межгалактический перелет. Мне казалось – ну что тут такого, в сонной капсуле я уже побывала, погружаться туда неприятно, но после того, как сознание выключается, никаких ощущений. Долетишь – молодец, нет – уже ничего не почувствуешь. Родители будут рядом. Если разметелит на атомы, то сразу всех. Сиротой никто не останется.

Про атомы я пошутила, однако, зря. Идея оказалась пророческой.

Коль скоро я сейчас пишу про свои приключения, всё обошлось, но было действительно, как говорили в старину мои сверстники, стрёмно.

Транспортировали нас на Арпадан те самые аисяне – обладатели невероятных летательных аппаратов, очень странных устройств и почти непригодного языка. Их корабль пристыковали к отдельному рукаву, выдвинутому в пространство. Устройство, размеры и свойства аисянского кос-

молета не позволяли обычной стыковки.

Я никогда раньше не видела аисян. У них есть свой сегмент на «Энцеладе-Эврика», но туда никого не пускают, а сами они не разгуливают по станции, хотя в принципе могут. Им все равно, какой атмосферой дышать. Аисяне вообще из другого вида материи, которая, к счастью, не вступает во взрывную реакцию с нашей. Поэтому они спокойно навещают все небесные тела в Солнечной системе, включая Сатурн, и уже приступили к созданию собственной станции на Титане. Энцелад для них слишком мокрый, ведь там подо льдом – океан. В принципе это тоже не имеет значения, но воду они недолюбливают. Климат Титана для них – просто рай. Переселяться туда насовсем они, однако, пока не желают. Всякие катаклизмы на родной планете держат их в тонусе и побуждают к развитию нечеловечески продвинутой техники.

Всё это я узнала от родителей, еще не видя самих аисян.

Они оказались диковинными существами. Тот вид материи, в котором они пребывали в нашем мире, мог здорово напугать любого, кто с ними впервые сталкивался. Папа и мама встречались с ними неоднократно и предупредили меня, чтобы я вела себя прилично, не вопила, не дергалась и не закатывала истерики. И я как хорошая умная девочка ничего такого не делала. Я просто впала в ступор, когда к нам навстречу выплыли аморфные тёмносерые кляксы, внутри которых что-то слегка мерцало и вспучивалось. Вы когда-ни-

будь смотрели старинные ужастики? Про кошмарное Нечто, вылезавшее из тьмы и проникающее в сознание путников? Примерно такое Нечто и встретило нас в шлюзе их космолета, сделанного из вещества, которое тоже казалось сгустком каких-то вибраций.

Я даже не поняла, каким образом у меня на запястье оказался браслет с лингвочипом. На «Энцеладе-Эврика» таких штук тогда не было, а сейчас, наверное, они есть у каждого школьника на Земле – технологии распространяются быстро. В тот момент я действительно вздрогнула и едва не взвизгнула от неожиданности, когда прямо в мозгу у меня зазвучал механически смодулированный голос на русском: «Юлия, приветствуем тебя. Сейчас вы подготовлены будете к перемещению на Арпадан. Просьба подчиняться командам. Неподчинение приведет к неудаче. Перемещение не состоится. Нам офигенно жаль». От последней фразы я всхрикнула. Папа и мама, очевидно, решили на всякий случай меня подстраховать. Они взяли меня за руки, хотя в скафандре я не могла почувствовать тепла их ладоней.

Мы отправились в отведенный нам отсек, набитый какой-то причудливой техникой. Там нас разъединили. Я подумала, каждого будут еще раз обследовать, а потом погрузят в биокамеры или прибегнут к другому способу введения в спячку. Обследование действительно состоялось, и оно оказалось куда более долгим, дотошным и занудным, чем до отлета. Весь скафандр оказался напичкан разными датчиками,

и они постоянно мигали, пищали, звенели, вибрировали, щекотали, покалывали, гудели, бибикали... Я послушно нажимала кнопки и дергала рычаги, выполняя тесты, хихикала, когда было щекотно, фыркала или вздрагивала, когда становилось неприятно, поворачивалась, когда поступала такая команда.

Попутно я от нечего делать пыталась освоить их шипяще-свистящий язык, повторяя какие-то фразы. Это вызвало небывалое удивление у аисян. Оказалось, никто до сих пор ничего такого не делал.

Успокоившись и привыкнув к призракам, развлекавших меня уморительной лексикой, я как ни в чем не бывало встала под купол некоего аппарата и даже еще улыбалась, когда на меня направили другой аппарат, а створки капсулы плотно закрыли.

– Что это? – спросила я.

– «Йяшшссии», – ответили мне.

– А, ящик! – кивнула я.

И... всё разом закончилось.

Я умерла.

А затем преспокойно воскресла в космопорте Арпадана.

Оказалось, аисяне разложили каждого из нас на атомы, частицы и энергетические поля. Иначе мы не выдержали бы перемещения через туннель, соединяющий две галактики. А по прибытии на Арпадан нас аккуратно собрали заново.

Вроде бы нигде ничего не потерялось и не застряло. Глав-

ное, уцелела моя тетрадь, где я пишу о своих приключениях. Впрочем, кажется, какие-то буквы поменяли места. Ничего, на досуге исправлю.

Лингвочипы нам оставили в подарок – на память о путешествии. В них встроены все языки, которыми пользуются обитатели станций на Арпадане и Энцеладе.

Учу теперь аисянский.

Арпадан и его обитатели

С тех пор, как мы прибыли на Арпадан, я не притрагивалась к тетради. И электронного дневника не вела. Впечатлений – через край, но требовалось время, чтобы всё улеглось в голове, а организм привык к новым условиям. Сначала нам предстоял карантин и попутно – акклиматизация. Собственная атмосфера на Арпадане, как я уже писала, имеется, но землянам она не подходит. А внутри станции воздух искусственный, и он по составу немного не такой, каким мы дышали на «Энцеладе-Эврика». И сила тяжести отличается. Тут она помощнее, чем на станции, и первое время мне казалось, что я стала страшно неповоротливой. Хотелось размазаться по кушетке и дремать в полумраке. Но скучать на карантине нам не давали. Анализы, тренажеры, снова анализы, видеокурсы по истории арпаданской колонии, по устройству межгалактической станции, по особенностям звездной системы здешнего солнца Атон, по социальному кодексу и этикету межпланетного общения... Времени едва хватало на еду и на сон.

Не знаю, нужно ли описывать всё, что я за это время узнала. В конце концов, есть видеокурсы, есть справочники, есть даже иммерсивные сериалы, действие которых происходит на Арпадане. Но в сериалах много вздора и вымысла, а спра-

вочники быстро устаревают. Поэтому всё-таки кратко опишу обстановку. Вдруг кому пригодится.

Арпадан – спутник планеты Намму. Некоторые ученые думают, что Арпадан – часть бинарной планетной системы, потому что по размерам он лишь ненамного меньше соседки. Но разница есть. Арпадан всегда повернут к Намму одной стороной. Здесь относительно тепло, хотя температуры преобладают минусовые, разве что в зоне экватора градусов десять по Цельсию. На темной стороне, разумеется, лютый холод. Погода на Арпадане страшно капризная: из-за разницы температур тут часто бушуют ветры и бури, как снежные, так и пыльные. На полюсах и вдоль границы полушарий, а также в разломах и впадинах, есть вода в виде льда. Лед добывают и перерабатывают для нужд станции. Занимаются столь трудным делом колонисты с планеты Сиггу, которые так и зовутся: сиггу, – они гуманоиды, но покрытые косматой шерстью, как древние мамонты. Температуры ниже семидесяти по Цельсию для них совершенно привычны. На своей планете они обитают в пещерах, где климат стабилен, не слишком тепло и не слишком холодно. Однако температуры выше нуля им не нравятся. Чтобы общаться с другими космическими народами, не столь морозоустойчивыми, они надевают охлаждающие приспособления – шлемы, жилеты или пояса с кондиционерами, а иногда и скафандры. Можно сделать наоборот, самим облачиться в комбинезон с подогревом и отправиться в гости к сиггу.

Станцию на Арпадане строили по проекту Межгалактического альянса разумных миров.

Наверное, никому не нужно объяснять, что такое Альянс, зачем он нужен и какую пользу приносит всем участникам? Или всё-таки нужно?

Мне самой родители рассказали про Альянс недавно, почти накануне перелета на Арпадан. До этого я росла, совсем не задумываясь, как устроена жизнь в космосе за пределами Солнечной системы, где живут и работают в основном наши однопланетники, люди с Земли. Наверное, другие дети, мои ровесники, и даже множество взрослых, не имеющих отношения к космосу, редко слышат и мало знают о Межгалактическом альянсе.

Эта организация объединяет миры, населенные разумными существами. Они должны заниматься совместным освоением космоса и сотрудничать между собой в разных сферах: науке, медицине, создании новых технологий, строительстве поселений на дальних планетах, развитии транспортного сообщения. Устав и законы Альянса запрещают его членам вести какие-либо войны между собой; для разрешения конфликтов надлежит обратиться к Альянсу за помощью и посредничеством. Но такое случается крайне редко. Чаще помощь требуется, когда планете угрожает стихийное бедствие: на нее летит астероид или другое шальное небесное тело, резко меняется климат, начинается эпидемия.

В спокойно же обстановке Межгалактический альянс и

входящий в него Межгалактический совет по научным связям разумных миров обеспечивают работу исследовательских орбитальных станций, финансируют экспедиции на неосвоенные планеты, курируют межпланетные поселения – вроде Арпадана, куда мы теперь переехали и где останемся как минимум на несколько лет.

Арпадан – планета безжизненная, за исключением обитающих на глубине бактерий, и построенная здесь колония не нанесла никакого вреда природе. Тетраформировать Арпадан не стали – это очень долго и дорого, проще построить прочные купола и создать внутри них разные типы атмосферы, пригодные для существования инопланетян. Мы, земляне, здесь тоже инопланетяне, и никаких преимуществ перед другими у нас нет.

Преимуществом Арпадана стало его расположение на перекрестке космических трасс. Каждая цивилизация, строившая космопорт и колонию, привносила что-то свое и преследовала свои интересы, но ни одна не могла претендовать на главенство. Все конфликты изначально регулировались законами Межгалактического альянса и подробно составленными документами, уставами и договорами. Сиггу, к примеру, могли бы создать собственную колонию, и никто бы им не запретил, но без межгалактического сотрудничества она обошлась бы безумно дорого. К тому же у них на планете вообще не развита техника, не говоря о науке. Технологии, которыми они здесь пользуются, изобретены отчасти земля-

нами, а отчасти другими цивилизациями. Вообще, насколько я успела понять, эти ребята не слишком интеллектуальны. Своих космолетов они не строят, а сюда их доставляют работать и жить по контракту.

Из космоса станция выглядит как огромный цветок с изогнутым толстым стеблем, посаженным в вазу. Ваза – это собственно космопорт, куда прибывают корабли с самых разных планет и галактик. Стебель – многоканальный транспортный коридор, ведущий на станцию. В нем расположены контрольные пункты и таможни, карантин (отдельные для разных существ), склады, логистический терминал, а ближе к самой станции – гостиницы и развлекательные заведения для транзитных путешественников, которые не собираются оставаться на Арпадане и не получили разрешения находиться внутри самой станции. Перед станцией – еще один контрольный пункт и таможня, теперь уже для тех, кто направляется внутрь или, наоборот, покидает колонию. Именно здесь предстоит работать маме. Нужно будет следить, чтобы по какой-то случайности на станцию вместе с товарами, оборудованием и багажом путешественников не попали опасные для здешних обитателей вещества, запрещенные предметы и нежелательные носители инопланетной жизни (это может быть что угодно, от бактерии до таракана).

От кордона идет кольцевой транспортный коридор, соединяющий все лепестки «цветка». Каждый из них может вести практически автономное существование под собствен-

ным куполом. Там создаются условия, наиболее подходящие для разных жителей Арпадана. Кому-то нравится дышать углекислым газом, для кого-то нужна болотистость, чтобы чавкало под ногами, а кто-то любит тропическое тепло. У каждого сектора есть свой выход наружу, таможенную для этого проходить не требуется, только местный контроль типа шлюза со стерилизатором. В ангарах припаркованы флаеры и вездеходы для недолгих поездок. Сиггу даже устраивают пикники на природе, им это разрешено. Прочие покидают станцию лишь по служебной необходимости. Иногда приходится спасать попавших в беду участников экспедиций. Тогда действуют сообща сразу несколько секторов.

Внутри «цветка» – сердцевина станции. Центральный купол создает искусственную атмосферу, приемлемую для большинства обитателей. Здесь имитируется эффект дня и ночи, необходимый не только нам, землянам, но и многим инопланетным существам и растениям. Днем цвет купола голубой или синий, ночью – темный, вечером – красноватый. На улицах даже высажены растения – травка, цветы и невысокие кустики. Орошение и опыление только искусственное, насекомых и атмосферных осадков не предусмотрено (конденсат образуется, но его для полива не хватает).

Центральный пункт управления всеми системами и хранилище информации находится под поверхностью Арпадана, чтобы в случае катастрофы уцелело хоть что-нибудь. Ручное же управление происходит коллегиально и посмен-

но. Здесь нет одного начальника, как капитан Самира Алай на «Энцеладе-Эврика», но та станция совсем маленькая по сравнению с этой. Правда, кто угодно войти в состав администраторов не может. Это профессия, которой нужно учиться. Администраторов космических поселений тщательно отбирают еще на родных планетах. Властно и громко командовать окружающими недостаточно, нужно многое знать и уметь. От каждой космической расы на станции по двое управленцев, и эти двое никогда не дежурят вместе. Когда мы вышли из карантина, нас встретил Администратор Марк Поллок, он тоже землянин.

Законы, касающиеся всех обитателей станции, принимаются общим голосованием. Обычно находят решение, которое более или менее устраивает всех. Конфликты и недоразумения улаживают космопсихолог и дипломаты, сведущие в космическом праве. В случае сознательных вредоносных действий нарушителя выдворяют с Арпадана. Но такое случается крайне редко. Служба безопасности на станции есть, однако ее обычные функции – наблюдение за порядком и реагирование на несчастные случаи. Космодром, космопорт и склады охраняются, конечно, усиленно, однако многое делается автоматически.

Всё самое необходимое арпаданцы производят на месте. Станция создавалась не как обычная жилая колония, а как обменно-транспортный узел и кластер научных учреждений. Но здесь есть и плантации съедобных растений, и фабрика

по производству белковых продуктов (живых существ никто никогда не ест!), и молочная ферма (ха, я-то мечтала, что наконец увижу корову, но нет, оказалось, там лишь техника, воссоздающая процесс производства молока, никаких рогов и копыт). Есть даже Дикая зона – кусочек настоящего леса, однако на самом деле таких лесов нигде не бывает, флора тут с разных планет, и за самим лесом ведут научные наблюдения, потому что это тоже эксперимент. Такое сообщество инопланетных растений и живности увидеть в других местах невозможно. От плантаций Дикая зона отличается тем, что в нее допускают обычных гуляющих – разумеется, с соблюдением строгих правил. Опасных животных, насколько я поняла, на Арпадане не держат, но кто может быть уверен, что сам не представляет угрозы для окружающей флоры и фауны.

После прохождения карантина и образовательных курсов наступил период знакомства со станцией, где нам всё показали наяву и свозили на экскурсию на поверхность Арпадана. Видимость, правда, оказалась не очень – сначала туман, потом пыльная буря. Мы были в скафандрах, а сиггу – так, им нормально. Мне удалось немного поболтать с ними при помощи браслетика с лигвочипом, подаренным аисянами. Увы, водителям нельзя отвлекаться во время поездки, а в лингвочипе оказалось слишком мало нужной мне лексики. Надо будет выучить их язык, хотя он-то как раз не очень приятный, рычащий и гавкающий. Одну фразу я уже знаю. В переводе

на русский она звучит примерно как «Хэйхоо, братаны!».

Планету Намму из-за облаков было видно плохо, хотя на самом деле она чудо как хороша. Но о ней – как-нибудь в другой раз. Это слишком серьезная тема.

И вот, наконец, нас заселили в квартиру (буду называть ее так, потому что по сравнению с капсулой на «Энцеладе-Эврика» это просто хоромы: две спальни, небольшая гостиная-кухня и санузел).

А на другой день я отправилась в школу.

Школа на Арпадане

Арпаданская школа находится под центральным куполом, недалеко от сектора землян, так что можно ходить пешком. Ученики из других секторов ездят на электрокарах. Школу, собственно, организовали земляне для первых детей, которые тут родились. Ведь люди прилетают на Арпадан, чтобы остаться надолго, иногда на всю жизнь, иначе возить их сюда нерентабельно. Вот и командируют с Земли либо семейные пары, либо мужчин и женщин, которые женятся уже в космосе. Сначала малышей было двое, через год добавился третий, ну и решили, что лучше обучать их всех вместе. Вскоре в класс попросили принять других гуманоидов. Дескать, пусть приобщаются к культуре землян, а физика с математикой везде одинаковые. Потом школой заинтересовались и некоторые негуманоидные существа, владеющие звуковой речью. Учеников стало довольно много, и пришлось расширить штат преподавателей, в том числе за счет инопланетян. Требовать, чтобы с Земли или откуда-то еще специально присылали учителей, нереально. Но тот, кто не слишком загружен своей основной работой или вообще находится на Арпадане как член семьи, может стать учителем, если позволяет образование и имеется желание общаться с молодняком.

Существование школы оказалось выгодно всем. Дети разных разумных народов учились полезным вещам и привыкали ладить друг с другом, учителям неплохо платили, а сама школа считалась таким же полигоном идей, как Дикая зона. Одно дело – просто разрешить сотрудникам станции размножаться, другое – придумать, что дальше делать с потомством. Даже если дети переселенцев останутся на Арпадане, они должны тут работать. Любая работа в космосе требует квалификации. Некоторые подростки улетают отсюда в другие миры – возвращаются на родные планеты, поступают в межгалактические университеты и колледжи. Для этого нужно, чтобы их учили не как попало, а систематично, и выдавали в конце аттестат, признаваемый в других заведениях. Социализация тоже важна: общение с непохожими на тебя существами не должно вызывать затруднений.

Всё это мне растолковали родители ещё на «Энцеладе-Эврика», когда я пыталась взбрыкнуть: дескать, зачем мне школа, если я и так хорошо учусь по видеокурсам и прилично сдаю все контрольные и экзамены? Но одно дело – быть единственным ребенком на станции, а другое – стать частью класса, в котором кого только нет.

Я, разумеется, волновалась. И явилась в школу настолько заранее, что оказалась в ней первой. Приложила жетончик, двери открылись, я вошла, свет зажегся – и ни души. Нужно куда-то приткнуться, дожидаясь других.

Школа начала понемногу оживать. Загорелось табло в

холле. Текст был на космолингве: «Добро пожаловать. Юлия Цветанова-Флорес. 5 класс. Аудитория 3. Этаж 2. Приятных занятий». Текст озвучил приятный механический голос, низкий женский или высокий мужской. От первых звуков я вздрогнула и тут же сама рассмеялась. Замигала дорожка огоньков, направлявших к лифту. Я поднялась. Дальше всё оказалось просто. Цифры обозначались светящимися точками, не ошибешься. Но дверь в аудиторию оказалась закрыта. Жетончик почему-то здесь не срабатывал.

За спиной раздалось дробное цоканье. Я обернулась и едва удержалась от удивленного «уау». В коридоре стояли две одинаковых девочки, только на одной было красное платьице, а на другой синее. Из-под платьиц виднелись шерстистые ноги с копытцами. А на кудрявых головках угадывались небольшие изящные рожки.

– Ой, привет! Ты новенькая? – спросили они почти одновременно. – Давай знакомиться! Мы – Майя и Кайя!

– Юлия Цветанова-Флорес, – ошалело представилась я.

– У, как длинно!

– Можно короче. Просто Юла.

– Отлично! Давай дружить, Юла! Ты откуда?

– С Энцелада. Но вообще-то с Земли.

– Мы так и думали! – захлопали они в ладоши. – А то нам сказали, что к нам поступила какая-то сатурнианка! Ясухиро нашел описание всех обитателей станций возле Сатурна, там кого только нет! Слушай, а ты чего не заходишь в рум?

– Я не знаю, как открывается дверь.

– Ну, ты чудо безрогое! Это же просто!

Майя в красном платьишке подскочила к двери и постучала в нее три раза. Тук-тук-тук. И дверь дружелюбно открылась, а в аудитории, или, как они ее называют, в руме, тотчас стало светло и заработал кондиционер, освежавший застоявшийся воздух.

Я смотрела немало видео про земные школы. Везде в помещениях стояли столы со стульями, расположенные где-то рядами, где-то полукругом, где-то амфитеатром. В руме этой школы на первый взгляд царил полный хаос. Несколько столиков с сиденьями были разбросаны по разным углам. В таком же беспорядке располагались какие-то надувные пуфы, вертикальные и горизонтальные жерди (потрогала – оказалось, полимерные), большие булыжники и даже уступчатая скала. На стенах висели панели или экраны. Примерно как в нашей библиотеке у Эун-Ма-Дюй-Чи на «Энцеладе-Эврика».

– Располагайся! – пригласили меня сестренки.

– А где можно?

– Везде! Людям обычно нравится сидеть за столами. Но это не обязательно. Питер любит висеть рядом с Лалли. Они дружат, хи-хи.

Я всё-таки выбрала стол, на который положила свой рюкзачок с планшетом по имени Бобик (фирмы Brilliant Brain) и ланчбоксом внутри. А Майя и Кайя пристроились на ска-

ле, которая напоминала каменную, но на самом деле была из какого-то плотного искусственного материала, на ощупь довольно теплое.

– Майя, Кайя, можно спросить, а вы сами откуда? – осторожно поинтересовалась я.

– А, ты вряд ли слышала! – ответила Майя, но Кайя кивнула, и дальше они опять говорили вместе, одновременно или через фразу. – Мы результат запрещенного ныне эксперимента! Но согласись, не такого уж неудачного! Космолет «Илмаринен» считался погибшим, о нем старались не упоминать, чтобы не поставить под удар программу межгалактических перелетов. Однако «Илмаринен» просто сбился с пути, оказался черт знает где, но сумел кое-как приземлиться на планете Меренне – это тут, в созвездии Андромеды, только возле другой звезды, Этайн. Посадка вышла жесткой, потому что на Меренне всюду скалы, ущелья, каньоны и пропасти. Уцелела лишь часть оборудования. А из экипажа выжили двое, генетик-космобиолог и врач экспедиции. Обе – женщины. Линда и Леонор. Нужно было выкручиваться. Вот и выкрутились. Из высокоразвитых обитателей на Меренне имелись только прямоходящие козлоногие, которые легко перемещались по скалам и охотно шли на контакт. Пришлось немного подкорректировать гены, но в целом получилось то, что требовалось.

– Вы очень красивые! – охотно поддакнула я.

– И неглупые! – фыркнула Кайя.

– Но часто рождаемся дублями, – добавила Майя. – Такая наследственность.

– Наверное, это тоже неплохо, – согласилась я. – Всегда есть с кем поболтать и побегать.

– Цивилизацию на Меренне пришлось узаконить, ведь мы существуем, и нас таких уже много. В межгалактическом альянсе спорят, как бы нас обозвать, чтобы включить в каталог общепризнанных рас. Но вообще-то наше будущее под вопросом, – серьезно пояснили сестрички. – Мы считаемся искусственными разумными существами. Неизвестно, насколько возможны наши союзы с людьми и другими человекоподобными.

– Таких опытов еще не проводили?

– Нет! Мы первые, кто попал на межпланетную станцию!

– Одни? Без родителей?

– Да! Решили, что, если нас двое, мы не будем сильно скучать!

– И вы сами со всем справляетесь? – изумилась я.

– Нет, у нас есть опекун, доктор Диана Пан, она славная. Мы зовем ее просто Ди.

Тут в дверь снова постучали, она открылась, и в рум ввалилась целая компания разнообразных учеников.

Я едва успевала знакомиться с каждым и запоминать, кто есть кто. Пришлось украдкой включить диктофон, чтобы потом неспешно всё выучить.

– Ясухиро, – поклонился мальчик с непроницаемо черны-

ми глазами.

– Питер. Не Пэн! – хихикнул еще один землянин, рыжий и зеленоглазый (шутку я не поняла, при чем тут старинный инструмент для письма?).

– Лалли, – нежно прошелестела стройная полупрозрачная фея с фасетчатыми глазами и сложенными за спиной изящными крыльями. – Я сильфида, пожалуйста, осторожней, мои крылья легко ломаются.

– Очень рада! Очень приятно! Юла! – отвечала я каждому в ответ на приветствие.

Последним вошел мальчик, с виду совершенно обычный, сероглазый, с растрепанными каштановыми волосами, какой-то медлительный и рассеянный. Он ничего не сказал и сразу отправился в дальний угол, угнездившись на пуфике.

– Это Вилли. Не обращай внимания. Он такой. Не как все, – прошелестела мне на ухо Лалли. – Возможно, когда-нибудь заговорит. А возможно, и нет.

Все заняли места, какие кому подходили и больше нравились.

Освещение сделалось ярче, и наконец-то появилась учительница. Сара Гомес. Маэстра, как все ее называли.

Она будет преподавать у нас мировую литературу.

Я едва не подпрыгнула от радости. Неужели на станции есть человек, кроме мамы и папы, с которым я смогу говорить по-испански?.. И на других земных языках?

Школа на Арпадане – это то, чего мне всю жизнь не хва-

тало.

Странный Вилли

Теперь я, наверное, буду писать в основном про школу. Ведь я провожу там целые дни с утра до вечера, и мне это нравится. Та самая социализация, за которую переживали родители, проходит у меня на ура. С одноклассниками я подружилась в первый же день, а теперь понемногу знаколюсь с другими учениками, младшими и старшими. У нас разные графики, но иногда мы пересекаемся в общественных местах типа инфоцентра (я по старой привычке зову его библиотекой), спорткомплекса и рекреации. Последнее – просто холл причудливой архитектуры, где можно поиграть в нешумные игры, поваляться на гидропуфиках, поболтать в уголке, полюбоваться выющимися растениями, последить через мониторы за прибытием и отправлением кораблей в космопорте и за движением нашей прекрасной соседки, планеты Намму. Хотя классы немногочисленные, – в некоторых всего три или четыре ученика, – когда все собираются вместе, в рекреации становится шумновато и весело. И все такие разные, глаза разбегаются, до чего интересно за некоторыми наблюдать! Знакомиться здесь легко: «Привет! Тебя как зовут? Ты откуда?» – и всё, считай, подружились.

Единственный, кто совсем не идет на контакт – это Вилли из нашего класса.

В первый вечер я рассказала про него папе с мамой. «Возможно, мальчик вправду особенный. У некоторых бывает врожденное свойство – аутизм, – объяснила мама. – Такие дети совсем не глупые. Даже наоборот, иногда чрезвычайно талантливые. Только общаться не могут. Они словно в скафандре со шлемом с особенным напылением: он тебя видит, а ты его нет. Или наоборот. Ты, Юла, ему не навязывайся». – «И не подумаю! Что мне, не с кем поговорить?»..

Папа молча выслушал наш диалог и заметил: «Всё-таки странно, что этого Вилли взяли на станцию. Как он умудрился пройти все предполетные тесты? Пусть он даже гений, но в космосе не совсем вменяемый человек потенциально очень опасен. Помнишь, Юла, как тебя проверяли перед отправкой на Энцелад? Тебе исполнилось всего семь лет, а мурыжили словно взрослую. Надо бы осторожно выяснить, в чем там дело с мальчиком. Чей он сын, ты не знаешь?»..

Я пожала плечами. Мне и в голову не пришло у кого-то об этом спрашивать. Ну, Вилли и Вилли. В классе по фамилии никого не зовут. А на его причуды учителя не обращают внимания. Сидит в углу, что-то набирает в своем девайсе. Иногда бормочет себе под нос. Может встать посреди урока и выйти. Замечаний ему не делают.

Сногсшибательную информацию о Вилли добыла мама.

Маэстра, узнав, что одна из моих фамилий – Флорес, захотела познакомиться с мамой, и они, как водится, разговорились. Сара Гомес испанка, а мама родом из Мексики, но

здесь это не имеет никакого значения. На Земле, впрочем, тоже – мы все давно перемешаны. У мамы был выходной, она пришла ко мне в школу, а потом мы все трое отправились к нам домой. Мама быстро приготовила то, что здесь называется кофе, и дальше они уже всю щебетали на испанском как близкие подруги или родственницы. Я присутствовала лишь в самом начале их встречи, во время легкого перекуса, и успела узнать, что Маэстре сорок три года, у нее взрослый сын, который водит транспортные космолеты и редко появляется дома, а муж погиб при взрыве на шахте семь лет назад. Потом меня вежливо спровадили погулять.

Очень кстати попала соседка Фатима, она двумя классами старше. Мы решили погонять на гермесах. Вы знаете, что такое гермесы? На Земле, когда я улетала отсюда, они только что появились, а на Энцеладе оказались запрещены. Это такие реактивные электролики, на которых можно не только быстро ездить и прыгать, выделывая фигуры в воздухе, но даже немного летать. На первых порах их использовали космонавты, потом ими увлеклись спортсмены, и наконец в упрощенном виде гермесы ушли в народ, где их сразу оценили подростки. Правда, забава считается травмоопасной. При невесомости или слабой гравитации улететь можно неизвестно куда. При мощной же силе тяжести при падении легко переломать себе кости. А на Арпадане нормально, только надо быть в жилете и шлеме. Гермесы с экипировкой выдаются в школьном спортзале начиная с пятого клас-

са. Ура! Красота!

Я вернулась вся взмокшая, но счастливая. А мама выглядела потрясенной. Мне показалось, что она даже плакала. Маэстра давно ушла, но чашки из-под кофе стояли немытые.

– Мама, что случилось? – забеспокоилась я.

– Иди в душ, Юла, а то скоро вернется папа, вы опять там столкнетесь. Я пока разогрею ужин.

В душ мне вправду было нужно. Поэтому я не стала спорить. Душ тут, кстати, отличный, не как на «Энцелад-Эврика» – вакуумный, а настоящий, водяной. И еда повкуснее, и порции больше. Аппетит у меня разыгрался зверский.

Тем временем пришел папа, и когда он вылез из душа, мы сели все вместе ужинать.

– Лаура, ты какая-то сама не своя, – заметил он, приглядевшись к маме. – ¿Qué pasó?

Дальше разговор шел по-испански.

– Антонио, я узнала про Вилли. Какой кошмар, бедный мальчик...

– Расскажешь?

– Если Юла не будет об этом болтать...

– Что ты, мам! Мое слово – титан и алмаз!

– Хорошо. Впрочем, многие знают. Учителя по крайней мере в курсе.

– Не тяни, говори! – папа в нетерпении стукнул пальцем по столу.

– Страшно... Ведь это могло бы случиться и с кем-то из

нас...

– Ну, Лаура, хватит нагнетать атмосферу!

– Я вовсе не нагнетаю, – вздохнула мама. – Вилли тоже перемещался на корабле аисян. Тому рейсу не повезло. Они попали в гравитационную яму. Кажется, это так называется, ну, неважно. Типа воронки. Аисянам это не повредило, и людям тоже в принципе не должно было бы повредить в их тогдашнем... разобранном... состоянии. Но когда их... восстановили... родители мальчика оказались... нежизнеспособны. А Вилли стал... вот таким. Это у него не врожденное.

– Ох, – одновременно выдохнули мы с папой. Он побледнел, посмотрев на меня, как будто я могла в тот же миг разлететься на микрочастицы.

– Если б вы знали, как я боялась лететь сюда на этом дьявольском корабле!

– Катастрофы случаются со всякими космолетами, – философски заметил папа. – Технологии аисян намного превосходят все прочие. Приходится доверять им. Или не доверять. И тогда летать не дальше Юпитера.

– Аисяне ручались, что подобных случаев никогда не бывало. Принесли извинения и обязались либо переместить Вилли за свой счет назад на Землю, либо оплачивать ему пребывание и обучение на Арпадане, пока не станет понятно, возможно ли что-то исправить. Они предлагали даже свозить его еще разок куда-нибудь за пределы этой галактики, с очередной разборкой и сборкой, но администрация

Арпадана решила пока оставить всё как есть. Вилли учится, у него неплохие успехи по предметам, где нужно что-то вычислять. Живет он в семье Администратора Марка Поллока, его жена Мириам врач, так что за здоровьем Вилли следят. А что будет дальше – кто знает?..

На этот вопрос не ожидалось никакого ответа. Я всё-таки не хотела, чтобы вечер закончился так печально, и переключила разговор на Фатиму, которая мечтает быть микробиологом или генетиком. Вдруг у нее когда-нибудь выйдет исправиться сбой, случившийся с Вилли?

– Да, науки развиваются быстро, – поддержал меня папа. – А на межгалактической станции больше шансов встретиться с цивилизацией, которая сталкивалась с такими проблемами и знает, как поступить.

– Аисяне вроде бы тоже знали, – вздохнула мама.

Я поняла, что она весь вечер с ужасом думала, как мы будем еще раз перемещаться на их корабле.

– Лаура, гони прочь эти мысли! – властно прервал ее папа. – Мы совсем недавно прибыли на Арпадан, не успели толком обжиться, никуда улетать в ближайшие годы не собираемся. У нас всё хорошо.

– И у Вилли будет всё хорошо! – почему-то уверенно заявила я.

– Может быть. Но родителей-то у него никогда не будет. Мама тихо заплакала. И мы втроем обнялись.

Вундеркинд

Вскоре после меня в школе появился еще один новенький ученик. Парой классов старше. Трудно было его не заметить. Высокий, с золотистыми вьющимися волосами, синеглазый, одетый в какой-то ультрапродвинутый комбинезон, менявший цвет в зависимости от окружающей температуры.

Ах, какой парень! Похожий на средневекового рыцаря или на ангела. Мое сердце, которое раньше было нечувствительно к миловидным юношам, вдруг встрепенулось. Этот мне сразу понравился.

«Хамелеон!» – припечатал его язвительный Питер. Может, он не хотел обидеть парня, просто сострил, не подумав. Но я из чувства справедливости возразила: «Зачем ты так, мы же не знаем, какой он на самом деле». – «Ну, тогда подойди и узнай!» – хмыкнул Питер. – «Да запросто!» – брякнула я.

Дождалась перерыва, когда классные румы приводились в порядок роботами, а все школьники отдыхали кто в спортзале, кто в рекреации. Я думала, вокруг свеженького красавчика будет толпа, но ничего похожего. Рядом бегали малыши-третьеклассники, играли в салочки. В специальной пещерке-рефрижераторе прохлаждались два сиггу из четвертого класса. Под раскидистой монстерой сидела Фатима с

яйцеголовым Аннахом и, попивая витаминный коктейль, обсуждала что-то микробиологическое.

А этот стоял один и либо в самом деле увлеченно следил по настенному монитору за переливами красок на поверхности Намму, либо делал вид, что его ничто другое не интересует.

Я подошла к новичку и сказала на космолингве:

– Привет! Ты здесь первый день? Давай знакомиться! Я – Юла из пятого класса!

Он медленно оторвался от монитора, с недоумением посмотрел на меня и ответил, выдержав паузу:

– Очень приятно. Терпеть не могу космолингву.

– А какой язык тебе нравится?

– Meine Muttersprache ist Deutsch, – снисходительно сообщил он. То есть, дескать, я немец.

– Ach, so! – тотчас переключилась я на немецкий. – Wunderschön! Распрекрасно! А зовут тебя как? Wie heißt du?

Дальше разговор шел на этом восхитительном языке, но я уж буду писать по-русски.

Он встал в гордую позу и произнес нечто невероятное:

– Я барон Карл Максимилиан Ризеншнайдер цу Нойбург фон Волькенштайн! – И добавил с едва заметной усмешкой: – Если трудно запомнить, то имя можно сократить до Карл-Макс. А ты, значит, просто Юла...

– Если хочешь, тоже представлюсь полностью: Юлия Лаура Антоновна Цветанова-Флорес! – похвасталась я.

Кажется, это его впечатлило, и он даже слегка улыбнулся:

– О, так, конечно же, лучше!

– Почему? Очень длинно! Зачем усложнять себе жизнь?

Пока мы не взрослые, проще пользоваться краткими именами. Впрочем, взрослые тоже обычно предпочитают, чтоб к ним обращались не так многословно.

– Там, откуда я прибыл, это не принято.

– А откуда ты... Карл-Маркс... ой, прости, Карл-Макс!..

эээ...

– Ризеншнайдер цу Нойбург фон Волькенштайн.

– Да. Постараюсь запомнить. И всё-таки?..

– Есть такая планета в системе Дракона: Штерндрахенауге. На обычных картах – Остедра.

– Ни разу не слышала.

– Это естественно. Экспедиция, которую возглавлял мой отец, барон Максимилиан Александр Ризеншнайдер цу Нойбург фон Волькенштайн, стала первой, которую местные жители не отказались принять. Раньше думали, что на Штерндрахенауге обитают агрессивные рогатые гуманоиды, которые крайне враждебны к любым посланцам извне. Но мы провели там несколько месяцев и, как видишь, милейшая Юлия Лаура Антоновна Цветанова-Флорес, улетели живыми.

– И в чем был секрет?

– В этикете, любезная фройляйн. Там предельно сословное общество. Чем знатнее особа, тем длиннее и труднопроизносимее должно быть имя. А запоминать нужно сразу,

иначе это воспримут как оскорбление. И убьют не моргнув. Дело чести!

– Понятно.

– Кстати, рога оказались не настоящими. Такие у них головные уборы.

– И вам тоже пришлось их носить?

– Нет, шлемы с антеннами они восприняли как аналог рогов, подобающих местным аристократам. Хотя атмосферой Штерндрахенауге людям можно дышать, появиться без шлемов в том обществе значило бы уронить себя и уподобиться габрам.

– Кому?..

– Низшей расе. Я подозреваю, что на самом деле габры физически не отличаются от господ, называемых эдригельфандлами. Но исследовать их биологию мы не могли. И со мною на эти темы не говорили. Это было крайне опасно. Одна мысль о том, что габры хоть чем-то сродни благородным эдригельфандлам, могла стоить нам жизни.

– Эдри... как там дальше?.. Карл Максимилиан Ризеншнайдер цу.. это самое... Нойбург... Извини, как вы всё это запоминали?

– Существует утилита «номенклатор». Записывает всю звучащую информацию и диктует ее прямо в ухо, когда нужно произнести только что услышанное. Но лучше стараться обходиться без номенклатора. Если вдруг он откажет или заглохнет, будет плохо. Я справлялся обычно сам. У меня хо-

рошая память. Довольно высокий уровень интеллекта. И абсолютный слух.

– Вундеркинд! – вспомнила я старинное слово.

Карл Максимилиан Ризеншнайдер цу Нойбург фон Волькенштайн с довольным видом кивнул.

– Как-нибудь я дам здесь концерт на скрипке, – похвастался он.

– На чём?..

– Только не уверяй меня, Юлия Лаура Антоновна Цветанова-Флорес, что ты никогда не видела скрипки и не знаешь, что это такое, – надменно скривился он.

Я пожала плечами:

– Мы же не на Штерндрахенауге и, надеюсь, ты меня не прикончишь на месте? Ну правда, не знаю.

– О чем разговаривать с такими дремучими существами, – вздохнул он. – Вы здесь в этом смысле на уровне габров. А эдригельфандлы, между прочим, весьма ценили мое искусство. У них оно тоже развито. Только смычковые хордофоны показались им совершенно в диковинку.

– Какие?.. Что?..

– Достопочтенная Юлия Лаура Антоновна Цветанова-Флорес, позвольте вам учтивейше заявить, что вы...

– Дура набитая? Dumme Gans?

– Выразимся деликатнее, фройляйн. Вы многого лишили себя, не дав себе труд изучить основы истории музыки.

Барон Карл Максимилиан Ризеншнайдер цу Нойбург фон

Волькенштайн снисходительно кивнул мне на прощание и отвернулся, словно я растворилась в воздухе.

Это выглядело так смешно и нелепо, что я даже не обиделась.

Но всё-таки сразу полезла в сеть и набрала слово «Geige». Еще раз напомним, что говорили мы по-немецки. Сначала мне выдали сведения об ученом XX века по фамилии Гейгер. Явно не то. Потом всплыли синонимы «Geige» и «Violine» с пометкой «старинное». Тут уже приводились картинки. Оказалось, скрипка – инструмент для извлечения музыкальных звуков, но не как синтезатор, а натуральный. Поскольку звук получается при помощи струн, такие инструменты именуются «хордофонами» (уж про это я могла бы догадаться, скумекав про греческие корни слова). В древности скрипки делали из особых пород деревьев, а начиная с XXII века чаще из пластика, но массовое производство давно закрыто. Учиться играть на них трудно, желающих мало, экспортировать некуда, производить нерентабельно.

Старинные скрипки, сделанные в восемнадцатом веке в Италии, хранятся на Земле в музеях и стоят как целый музей. Играют на них смычком, двигая его по струнам туда и сюда. К любой скрипке, даже не музейной, требуются сменные комплекты струн, желателен запасной смычок и так называемая канифоль – вещество типа смолы, которой натирают волос смычка. Перевозить такое устройство нужно в жестком чехле. Всё это занимает много места и создает до-

полнительный вес. Плюс страховка. Суммы за перевозку выходят космическими, и поэтому в космосе скрипки вообще не встречаются.

У меня возникли очень смутные воспоминания из раннего детства, когда меня привозили к бабушке с дедушкой на Юкатан. В доме на стене висела такая деревянная штука, называвшаяся «гитара». Мне ее трогать не разрешали, но дедушка иногда снимал ее и ударял по струнам. Бабушка Хулиана морщилась: «Хосе, сначала настрой! Невозможно же слушать!». Но настраивать, вероятно, ему было лень или он не умел. И гитара возвращалась на место. Однако на скрипке играют иначе. Дома я снова полезла в сеть и нашла какие-то совсем древние архивные видео, послушала и посмотрела. Подивилась, но так и не поняла, в чем смысл. Попыталась с помощью разделочной доски и кухонного ножа повторить движения скрипача. Ужас. Пытка. Антифизиологично. У меня немедленно заболело плечо и запястье. Чуть не вывихнула суставы. Как и зачем этим вообще заниматься?..

Вечером, когда все собрались, я рассказала папе с мамой про многоименного барона со скрипкой. Над его манерами они посмеялись, но попросили меня быть терпимее: бедный мальчик привык, что вести себя следует именно так, и ему нужно время, чтобы привыкнуть к нормальному человеческому общению. Пребывание на Остедре – испытание не для слабохарактерных, а до этого были другие миры, тоже очень причудливые.

Оказалось, его отец, барон Максимилиан Александр Ризеншнайдер цу Нойбург фон Волькенштайн – известный исследователь, специализирующийся на контактах с закрытыми цивилизациями. Легендарная личность! Работает он всегда на свой страх и риск. Поскольку он из невероятно богатой семьи, свои экспедиции он финансирует самостоятельно. Впрочем, каждый успешный проект приносит ему не только славу, но и немалые деньги от Межгалактического альянса и Межгалактического совета по научным связям разумных миров. Иногда он находит редкие ископаемые, иногда уникальные растения, а если планета населена разумными существами, помогает установить контакты и убеждает местных жителей в пользу строительства у них, например, космодрома или орбитальной станции связи.

У барона есть собственный космолет, называемый «Грание», команду он тоже набирает по своему усмотрению и платит участникам столько, что даже после одной экспедиции можно выбрать любую приятную для жизни планету, купить или построить там дом и забыть о подвигах в космосе. Но обычно от барона никто без веских причин не уходит, хотя экспедиции бывают рискованными и порою крайне опасными. Гарантий, что уцелеешь, никто не дает, и в контрактах это прописано. Жена барона погибла при неосторожном контакте с электроамфибиями на планете, у которой было скучное буквенно-цифровое название, типа ASDF-18. Теперь та планета называется Гизела Валерия Элеонора Кримхильда

Ризеншнайдер цу Нойбург фон Волькенштайн геборене Эдле фон Шваненбах. На картах – просто Гизела Валерия, а то не уместится. У немецких аристократов просто пунктик насчет длинных многосоставных имен и старинных титулов. Но, как выяснилось, на Остедре именно это и обеспечило полный успех экспедиции. Вряд ли теперь у какой-либо из разумных цивилизаций возникнут устойчивые межпланетные связи с высшей кастой Остедры, но по крайней мере выяснилось, каким образом нужно общаться с этими феодалами.

– Да кому они сдались? – пожалала я плечами.

– На всякий случай знать нелишне, – возразил папа. – Вдруг какому-то экипажу придется прибегнуть к аварийной посадке? Барон добыл бесценную информацию, которая будет включена со все справочники. Секрет выживания на Остедре оказался довольно прост, но поди ж ты узнай!

– Главное, успеть до жесткой посадки придумать себе подходящее имя и титул, – съехидничала я.

– Да нам и выдумывать ничего не надо, – отшутился папа. – Что испанские, что русские полные имена звучат вполне впечатляюще. Иностранцы всегда спотыкаются на наших отчествах, а уж выговорить какое-нибудь «Мстислав Всеволодович Крестовоздвиженский» можно лишь после основательной тренировки.

– Или, – добавила мама не без гордости, – Лаура Флорес Гарсиа де Пьедрабуэна Ортега.

– Так что можем смело лететь на Остедру вслед за доблестными баронами, – подытожил папа.

– А надолго они сюда? – спросила я, ведь и папа, и мама по долгу службы общались с Ризеншнайдерами по прибытии на Арпадан.

– Как получится, – ответил папа. – У барона-отца есть идея наладить сотрудничество с роботами Арепо. Но для этого нужно получить множество официальных согласований с Комитетом по Искусственному разуму и Межгалактическим альянсом. Находясь на Остедре, сделать это нельзя, там нет никакой дальней связи.

– Мне он сказал, – добавила мама, – что планирует провести на Арпадане как минимум год. Или два. Ради сына. Он считает, что мальчику будет полезно поучиться в школе с другими детьми.

– Ага, социализация, – понимающе поддакнула я.

– У тебя-то с этим, как выяснилось, нет проблем, – кивнула мама.

– А у богатеньких аристократов есть!

– Не завидуй. Этот... как его... Карл-Макс не выбирал, кем родиться. И если он выжил во всех передрыгах, значит, голова у него работает четко.

– Интересно, а где он выучился играть на скрипке?

– На чем? – удивились родители.

Я гордо выложила им всё, что успела узнать про эту диковину.

– Ну ничего себе! – изумился папа. – Неужели сейчас еще кто-то исполняет живую музыку?

В самом деле. Когда нам нужно, чтобы звучало что-нибудь подходящее – ритмичное для танцев и спорта, приятное для расслабления, веселенькое для бодрости, – мы просто нажимаем кнопку, клавишу или касаемся сенсора. И оно звучит само. Можно взять синтезатор и намикшировать собственный сэмпл. Любые звуки любых планет в любых сочетаниях. Классно ведь, да?

– Между прочим, твой прапрадедушка был скрипачом, – огорошил меня папа. – Профессия уже тогда становилась редкой, но еще воспроизводилась в специальных культурных зонах. Они так и назывались – консерватории, от слова «сохранять». Московская считалась одной из самых известных. И закрылась позже других.

– А как его звали?

– Михаил Зильберштерн.

– Тоже немец?

– Нет, еврей. Но это теперь совершенно неважно. Всё равно фамилия потерялась.

– Как это?

– У него была дочь, она вышла замуж и стала Зильберштерн-Ненашевой, а внучка – просто Ненашевой, но и она сменила фамилию на Василеску... В общем, в итоге вышли Цветановы.

– Жаль. А то вышло бы не хуже чем у баронов: Юлия

Лаура Антоновна Цветанова-Зильберштерн-Ненашева-Василеску-Флорес-Гарсиа! Ах да, еще Пьедрабуэна Ортега!

– На здоровье, если тебе так нравится. Называйся как хочешь. Только документы переделывать слишком хлопотно. И так на Земле ворчали насчет двойной фамилии. И имя пришлось официально оставить одно.

– Я всегда объясняю, что Юла – сокращение от «Юлия Лаура»! – похвасталась я.

Поговорить с юным бароном наедине у меня почему-то никак не получалось. Похоже, ему интереснее общаться с Фатимой, его одноклассницей. Ну да, она старше, и очень красивая, и здорово сечет в своей микробиологии, и вообще... Он даже не посмотрел на то, что мое полное имя в любом случае гораздо длиннее, чем Фатимино. Она ведь – просто Фатима Йылдыз-кызы.

Ну и ладно. Что мне, не с кем общаться?

На концерт я, конечно, пришла. Вся школа пришла, хотя посещение этого мероприятия не было обязательным. Барон Максимилиан Александр снял для сына актовъй зал при Администрации Арпадана. Туда набилось много всяких народов, в том числе неземных. В центре выгородили площадку, на ней располагался помост с синтезатором и немного места для выступающего. За синтезатор уселся сам Максимилиан Александр. А Карл-Макс встал рядом, поднял на плечо свою скрипку, взмахнул смычком и – раздались совершенно непривычные звуки.

Скрипка сначала играла вместе с синтезатором, который обволакивал ее мягкими волнами приятных созвучий. Все слушали, как замороженные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.